

УДК 371
ББК 74200+74.03(2)

Н.Ю. БОГАТЫРЕВА

ВАСИЛИЙ СУХОМЛИНСКИЙ: «ВЕРЬ В ЧЕЛОВЕКА — И ОН СТАНЕТ ЧЕЛОВЕКОМ»

Статья посвящена выдающемуся советскому педагогу Василию Александровичу Сухомлинскому. Его педагогические труды в последние годы известны только узкому кругу специалистов, в то время как во второй половине XX века они переиздавались миллионными тиражами, книги Сухомлинского были в каждой семье. Статья имеет целью вернуть интерес к творческому наследию Сухомлинского, доказать актуальность его педагогических идей и принципов, несомненную ценность его книг, ставящих во главу угла бережное и тактичное отношение к ребенку, декларирующих любовь к человеку, особенно — к женщине, особенно — к матери. Автор статьи показывает, насколько в книгах Сухомлинского эмоционально, убедительно и талантливо доказывается огромная роль чтения хороших книг, увлечения наукой, умения жить в гармонии с природой и черпать из нее духовные силы, а главное — умения любить людей.

Ключевые слова: Павлышская школа, учитель, педагогическая система Сухомлинского, педагогические открытия, эмоционально-эстетическое воспитание, «воспитание красотой», творческий труд, моральные ценности, «Родительский университет», «Школа под голубым небом», исследование психологии школьника, воспитание без наказания.

Василий Сухомлинский — имя, покрытое хрестоматийной пылью. Кто сегодня читает его книги? Может быть — по диагонали — только студенты педвузов для зачета по истории педагогики да небольшая часть специалистов-педагогов. Случайно в подшивке журнала «Юность» конца 60-х увидела его документальную повесть «Семья Несгибаемых». Скользнула равнодушным

ИМЕНА. ПОРТРЕТЫ

взглядом — Сухомлинский еще со студенческих времен ассоциировался с чем-то официально-скучным. Но первые же строчки остановили внимание. Лаконичные, полные внутренней энергии, боли и в то же время теплоты, они рассказывали о судьбах детей, односельчан Сухомлинского, старшему из которых не было и двенадцати лет. Вот паренек, который вместе с маленькой сестренкой ушел от отца-пьяницы, поселился в самодельном шалаше в саду под окнами учителя и на все уговоры упрямо отвечал: «Вернусь, когда бросит пить». Вот славная добрая девчушка, у матери которой дурная репутация, и весь поселок и на ее дочку смотрит косо. Вот мальчишка, который случайно застрелил пьяного отца... Как жить этим детям, искалеченным жестокими обстоятельствами? У большинства этих послевоенных мальчишек и девчонок отцы либо погибли на фронте, либо вернулись калеками, матери надрываются в колхозе, голод, нищета... И Сухомлинский решает для себя: «Ни одного ребенка с большой душой нельзя оставить в одиночестве — вот самое главное. Таких детей я должен ввести в мир человеческого благородства, для многих из них стать и отцом и матерью: их сердца истосковались по человеческой доброте, ласке, участию. Как же все это сделать? Как больных телом кладут в больницу, так больных душой я соберу вокруг себя. Они будут всегда со мной. Мы будем жить счастливой, богатой, полнокровной семьей. Наш коллектив будет Семейей Несгибаемых. Я позабочусь о том, чтобы здесь установились тонкие, благородные человеческие отношения, какие могут быть только у счастливых людей, сознающих и переживающих высокое чувство достоинства, чести... Пусть наша Семья Несгибаемых станет очагом счастья, добра, мужества, духовного благородства и красоты, сердечности, заботы о человеке...» И добавляет: «Я чувствовал, что нет креста тяжелее, чем крест воспитателя. Так началась жизнь нашей Семьи Несгибаемых» [1, с. 73]. Этот свой крест — тяжелый, но счастливый и спасительный — он нес всю жизнь.

Жизнь, неотделимая от школы

Василий Александрович Сухомлинский (1918—1970) родился в Кировоградской области, в работающей и дружной крестьянской семье, воспитавшей четверых детей (все стали учителями). В 15 лет поступил в Кременчугский педагогический институт (абитуриентов было мало, и принимали со средним школьным образованием), окончил Полтавский пединститут. С 17 лет преподавал украинский язык и литературу в Онуфриевской средней школе, недалеко от родного села. В 41-м добровольцем ушел на фронт. После тяжелого ранения в 42-м (осколки так и остались под сердцем), как ни рвался снова в строй, его демобилизовали и направили директором средней школы в Удмуртии. После освобождения Украины от фашистов вернулся в родные края и узнал, что его жену и маленького сына замучили в гестапо... В 1948 году Сухомлинский стал директором средней школы в поселке Павлыш недалеко от Кременчуга и проработал в ней 22 года, еже-

дневно встречая на крыльце своих учеников и учителей и каждого приветствуя по имени. Он жил школой и — в школе (теперь в квартире музей его имени). Здесь и умер 2 сентября 1970 года, в день, когда первоклассники, которых он готовил к учебе, пошли на свой первый в жизни урок...

За недолгую свою жизнь Сухомлинский успел очень много. О нем говорили: не человек, а целое научное учреждение. Он писал книги, выходявшие миллионными тиражами. Защитил диссертацию и стал членкором Академии педагогических наук СССР, получил звание Героя Социалистического Труда. Воспитал, помимо тысяч учеников, двоих собственных детей. Дочь Ольга продолжила педагогическую династию: она член Национальной академии педагогических наук Украины, доктор педагогических наук, хранительница наследия своего отца.

Его рабочий день начинался в четыре утра. В эти утренние часы Сухомлинский анализировал записи в своих многочисленных блокнотах, которые легли в основу 36 книг и более чем шестисот статей. В «Письмах к сыну» Сухомлинский советовал всегда иметь под рукой блокнот, чтобы зафиксировать интересную мысль, полезный факт. Он был человеком железной внутренней дисциплины и организованности. В 8 утра Сухомлинский шел встречать своих питомцев — об этой традиции вспоминают все его ученики. Потом посещал уроки, решал хозяйственные вопросы. И параллельно — непрерывно размышлял, наблюдал, анализировал, не расставаясь с блокнотом и книгой.

Об энциклопедичности его знаний ходили легенды. Сухомлинский, будучи преподавателем украинского языка и литературы, самостоятельно изучил всю (!) школьную программу и без труда мог заменить любого учителя в любом классе.

Сельский учитель — интеллигент, интеллектуал, мыслитель. Непривычный типаж для педагога даже тех лет, когда уровень образования был очень высок и учителями работали выпускники лучших вузов. Вот он пишет сыну: «Прошу тебя, посмотри, нет ли в книжных магазинах чего-нибудь нового по психологии труда, творчества. Если есть — купи и пришли» [2]. Сухомлинский был в курсе всех новостей науки, искусства, литературы. И коллектив своей школы приучал расширять кругозор и повышать внутреннюю культуру.

Ее величество Книга

Сухомлинский писал, что школа становится настоящим очагом культуры лишь тогда, когда в ней царят четыре культа: культ Родины, культ человека, культ книги, культ родного слова.

В Павлышской школе всячески стимулировали интерес к чтению. Книге придавалось огромное значение. Личная библиотека самого Сухомлинского составляла 19 тысяч томов. Ею могли пользоваться и учителя, и ребята. В школе висел стенд со списком рекомендованной литературы от Гомера до Хемингуэя под названием «Их будут читать вечно». Традиционный Праздник Книги,

на котором принято было дарить друг другу книги, проходил в Павлышской школе 31 августа, накануне начала учебных занятий.

Книга, по Сухомлинскому, не только источник знаний, но и инструмент душевного развития. Он был убежден, что слезы, пролитые над хорошей книгой, — благодатный дар, который делает душу тоньше и чище. Отвечая писателю Борису Рябинину, подарившему школе свою книгу о собаках, он писал: «Вашу книгу читает вся школа. Книга переходит из класса в класс. Дети плачут. Дай Бог, чтобы каждый в детстве заплакал такими слезами. Да, нравственный облик человека в огромной мере зависит от того, что приносят ему слезы и что приносит смех в годы детства. Пусть будут слезы сострадания, но не жадности и зависти!..» [3].

Сухомлинский говорил, что, читая в юности хорошую книгу, человек должен задуматься: «Кто я и где мой корень, зачем я живу на свете, что я сделал для своего Отечества и что должен сделать?» Вовремя прочитанная мудрая книга может определить всю судьбу человека, считал Сухомлинский и старался ненавязчиво подбирать своим ученикам такие книги, которые помогут раскрыться им с лучшей стороны. В «Семье Несгибаемых» он рассказывает о двенадцатилетнем мальчишке с трудным характером. Никак не удавалось подобрать к нему ключик и уж тем более приобщить его к чтению. И вот однажды Сухомлинский, проснувшись под утро, увидел, как в открытое окошко его комнаты пробрался этот паренек, внимательно оглядел книжные полки, взял один томик (брать книги могли все) и был таков. Это был «Овод» Э.Л. Войнич, культовая книга 60—70-х годов XX века, герой которой — воплощение мужества и благородства. И мальчишка на глазах начал расти духовно, внутренне выпрямляться. Он стал готов «к далекому и трудному полету». «Как меняется человек, одухотворенный, восхищенный идеалом!» — восклицал Сухомлинский, убежденный в том, что идеал дает «душевное озарение», «душевный взлет», стимулирует душевный рост юного человека. И этот идеал мы находим прежде всего в книгах.

Сказка как инструмент развития души

Сухомлинский высоко ценил не только художественную литературу, но и сокровищницу народной мысли: сказки, пословицы, поговорки, притчи, легенды, мифы. Все эти «вечные богатства народа» обладают, по мысли Сухомлинского, огромным воспитательным потенциалом, воздействуя прежде всего на эмоциональную составляющую личности, развивая культуру чувств и эмоций. Сухомлинский много размышлял о роли сказки в личностном развитии ребенка. На одном из школьных стендов, где размещались советы родителям, был и такой: «Матери, рассказывайте своим детям разные сказки!»

Сухомлинский был уверен, что в каждом ребенке дремлет поэт, сказочник, надо только пробудить его. Пробуждали поэтическое чувство и творчество походы с ребятами в лес. После этого часто рождались чудесные

миниатюры. Сухомлинский считал, что сочиненная самим ребенком сказка учит мыслить и чувствовать, будит фантазию: «Без сказки нельзя представить детства» [4]. Сочинение сказок Сухомлинский называл школой эмоциональной жизни, ведь, выражая через слово движения души, ребенок выявляет свой интеллектуальный мир и — более того — утверждает свое достоинство.

В Павлышской школе писателями и поэтами были все. Малыши 6—8 лет сочиняли сказки, в 8—9 — поэтические миниатюры. В 10—11 лет детям предлагалось написать миниатюру прозаическую. В 12—14 — создавали сочинения на заданную тему, в 15—17 — сами выбирали темы для своего эссе... Более тысячи сказок написал сам Сухомлинский. Сочиненное школьниками собрано в нескольких десятках томов. Традиционным стал в школе Праздник сказки. Он проходил дважды в год: 28 сентября, в день рождения Сухомлинского, и весной, в последний день учебы. На майском празднике вся школа собирается на живописной «Бабушкиной опушке» на большое театральное представление, включающее инсценировку украинской народной сказки, сказки, написанной Сухомлинским, и сказки-победительницы ежегодного конкурса.

«Если человек с детства воспитывается на красоте, прежде всего на хороших книгах, если у него развивается способность к переживаниям, чувство умиления, восторга перед красотой, — то маловероятно, чтобы он стал бессердечным, пошляком, развратником. Красота, прежде всего художественные ценности, воспитывает тонкость натуры, а чем тоньше натура, тем острее человек воспринимает мир и тем больше может дать миру...» — писал Сухомлинский [5, с.172].

Вперед, в большую науку!

Радость познания. Это один из ключевых принципов педагогической системы Сухомлинского. Он хотел, «чтобы все воспитанники были влюблены в науку, в школу, чтобы книга, интеллектуальные богатства стали главной страстью и главным интересом человека, сидящего за партой» [6, с.12].

В Павлышской школе работало около восьмидесяти кружков и объединений, которые вели учителя, влюбленные — каждый в свою науку. И этот высокий образовательный уровень педагогов, умевших увлечь научными поисками учеников, становился для ребят ориентиром и стимулом для собственного самоопределения и дальнейшего интеллектуального роста. Сухомлинский постоянно повторял: «Ученики — увеличительное стекло незнания учителя». И всячески поощрял стремление учителей учиться, чтобы они больше отдавали ученикам. И выпускники Павлышской школы поступали в самые престижные учебные заведения, получая путевку в большую науку в родной школе.

В годы господства точных наук, когда королевами наук были физика и математика, Сухомлинский одним из первых заговорил о важности гуманитарного образования. «Очеловечивание знаний, одухотворенность пре-

подавания благородными, возвышенными чувствами — это, на мой взгляд, проблема номер один и в школьном, и в вузовском воспитании. Век математики — слышишь на каждом шагу, век электроники, век космоса. Все это неплохие крылатые выражения, но они не отражают всей сущности того, что происходит в наши дни. Мир вступает в век Человека — вот что главное ... Ты стремишься стать хорошим инженером — это очень важно. Но надо стремиться прежде всего стать человеком — это еще важнее. Больше, чем когда бы то ни было, мы обязаны сейчас думать о том, что мы вкладываем в душу человека. Меня очень тревожит, что с окончанием средней школы для большинства студентов прекращается гуманитарное образование, а в средней школе во многих случаях оно поставлено очень плохо. Я имею в виду широкое гуманитарное воспитание молодежи — воспитание эмоционально-эстетическое, воспитание тонкости и красоты чувств, воспитание впечатлительной природы, отзывчивого, тонкого сердца» [2].

Сухомлинский всегда говорил, что не надо стыдиться быть тонким, впечатлительным, отзывчивым. Пусть стыдятся те, у кого душа «окаменела в нечувствии». Чувство умиления необходимо для здорового нравственного развития. Когда Сухомлинский писал об этом, народу было не до умиления — поднимали страну из послевоенной разрухи. А он не стыдился говорить именно об этом — о нежности к хрупкому цветку и какому-нибудь крошечному жучку, об умилении перед красотой природы. Сухомлинский постоянно подчеркивал важность «эмоционально-эстетического» воспитания. «Учиться на человека надо всю жизнь».

Кому-то покажется: в статьях и книгах Сухомлинского количество красивых слов зашкаливает. Но разве не соскучились мы по красивым словам? То, что льется с экранов и звучит вокруг — как-то уж совсем некрасивое... «Самое главное средство самовоспитания души — красота. Красота в широком смысле — и искусство, и музыка, и сердечные отношения с людьми» [2].

Природа — доктор для души

Сухомлинский считал, что природа — могучий источник мысли и чувства. Общение с живой природой делает «широким, ясным, светлым то оконце, сквозь которое ребенок глядит на мир» [7, с. 14].

«Идите в поле, в парк, пейте из источника мысли, — обращался Сухомлинский к учителям в своей книге “Сердце отдаю детям”, — и эта живая вода сделает ваших питомцев мудрыми; исследователями, пытливыми, любознательными людьми и поэтами» [8]. Природа дает ребенку возможность остаться наедине со своими мыслями и чувствами. «Детям не надо много говорить, не надо пичкать их рассказами, слово не забава, а словесное пресыщение — одно из самых вредных пресыщений. Ребенку нужно не только слушать слово воспитателя, но и молчать; в эти мгновения он думает, осмысливает услышанное и увиденное. Нельзя превращать детей в пассивный объ-

ект восприятия слов. А среди природы ребенку надо дать возможность послушать, посмотреть, почувствовать» [8].

Дети, которых учил Сухомлинский, пережили трагедию войны, у многих были личные, семейные трагедии. Он мечтал «выпрямить согнутую горем, несчастьем, страданием, злом, невежеством родителей душу ребенка, сделать ее несгибаемой». И учитель каждое утро стал водить ребят в лес, в степь встречать рассвет. Он был убежден, что природа лечит душу. «В тихое майское утро собрались мы в школе. До восхода солнца пришли на опушку леса. Это был мой любимый уголок, с этого места открывается чудесный вид на большой пруд, в зеркале которого отражается вся игра красок рождающегося дня. Сели на траву. С волнением я ожидал, как откликнутся детские сердца на изумительную красоту утренней зари. Я рассказал детям сказку, родившуюся в моей голове здесь же.

— Где-то далеко, за горами и морями, живет Волшебник. Он — Творец Красоты. Он счастлив только тогда, когда его красоте радуются люди. Он добр. Каждую ночь он вспахивает большое поле и сеет на нем маки. К рассвету маки расцветают. Огромное, безграничное поле маков — вот что такое розовое небо, которое вы видите, дети. Видите, как играет, трепещет солнечный луч на каждом маковом лепестке...

Дети слушали, затаив дыхание...» [1, с. 77]. Какой поэтичный (и глубоко религиозный, хотя сам Сухомлинский тогда об этом, конечно, не думал) образ! И как раскрывается в этом эпизоде сам Сухомлинский — человек с глубокой, нежной душой поэта. Человек, славящий Творца — Бога...

Утренние прогулки с ребятами в лес стали предтечей уроков в «зеленых» классах. До сих пор в Павлышской школе «зеленые уроки» — часть программы. Их тематика и сценарий тщательно разрабатываются учителями. По возвращении в класс — обязательная рефлексия: ребята обсуждают увиденное, обмениваются впечатлениями, пишут сказки и эссе. Общение с природой входило в педсистему Сухомлинского в программу «воспитания красотой». Сухомлинский рассказывал, как весной на заре вел своих подопечных в сад любоваться цветением яблонь и вишен. Поэтическое чувство, которое рождается в самой прозаичной душе в эти мгновения, омывает душу такой радостью, память о которой человек пронесет через всю жизнь. «Трудно разбудить маленького ребенка на рассвете, трудно повести его в сад, в поле — так сладок сон. Но помогите ему в первый раз преодолеть эту трудность, откройте ему глаза на красоту утренней зари, пусть он прислушается к музыке рождающегося дня, — и потом он сам не поленится встать на рассвете, пойдет любоваться красотой природы и не будет жалеть потом, что прошли годы, а он проспал ее...» [9, с. 173].

Из любви к природе родного края вырастает чувство любви к родине. Об этом в последние два десятилетия было неприлично говорить, а сейчас наконец-то — можно. И слова Сухомлинского ложатся прямо на сердце: «Это самое чистое и самое тонкое, самое возвышенное и самое сильное, самое нежное и самое беспощадное, самое

ласковое и самое грозное чувство. Тот, кто по-настоящему любит Родину, — во всех отношениях настоящий человек...» [2]. Ну разве не так? Результатом «стыдливости» родителей в вопросах воспитания патриотизма в постперестроечные годы стало поколение «Иванов, родства не помнящих», которым плевать уже не только на родину — «поганую Рашку», — но и на собственных предков. А ведь об этом Сухомлинский предупреждал. «Добиться того, чтобы воспитанника уже в детстве волновало настоящее и будущее Отчизны, — одна из важнейших предпосылок предотвращения моральных срывов в годы отрочества. Гражданские мысли, чувства, тревоги, гражданский долг, гражданская ответственность — это основа чувства человеческого достоинства. Тот, в ком вы сформировали эти качества души, никогда не проявит себя в чем-то дурном, наоборот — он будет стремиться проявить себя только в добром» [10].

Святость труда

«В чем высшее наслаждение жизни? — писал Сухомлинский. — По-моему, в творческом труде, чем-то приближающемся к искусству» [2]. Казалось бы, банальные вещи. Когда-то, когда наша страна называлась по-другому и слова эти звучали повсюду, они вызывали скуку. А сейчас так их не хватает! О том, что труд — это счастье. Что нет простых людей. Что важно искать не деньги, а работу по призванию. Внутренняя дисциплина, радость труда — обо всем этом есть у Сухомлинского. Секрет красоты от Сухомлинского заключался в следующем: «Если хочешь быть красивым — трудись до самозабвения, трудись так, чтобы ты почувствовал себя творцом, мастером, господином в любимом деле. Трудись так, чтобы глаза твои выражали одухотворенность великим человеческим счастьем — счастьем творчества. Как горе откладывает на лице неизгладимые морщины, так и творческие заботы являются самым тонким, самым искусным скульптором, который делает лицо красивым. И наоборот, внутренняя пустота придает внешним чертам лица выражение тупого равнодушия, невыразительности... Духовная пустота делает безликой внешность человека. Безнравственная деятельность уродует...» [2].

Сухомлинский не уставал повторять, что счастье — «в нетленном и вечном труде на благо людей и Отечества» [11, с. 73]. Как донести до сегодняшних ребят, которые эту истину воспримут скептически, с недоумением и агрессивным неприятием, потому что им методично внушают совсем другое, — как донести до них, что только в этом действительно счастье?

Ученики Павлышской школы — счастливые люди! — постигали эту истину ежедневно. Труд здесь был органично включен в учебно-воспитательный процесс. Умственный и физический труд должны дополнять друг друга, — считал Сухомлинский. Он был убежден, что ребенка нужно приучать к труду уже с трех лет, и это не будет ему в тягость, если результатом его трудовой деятельности становится что-то красивое, необычное. Надо

поощрять это стремление ребенка к созданию красоты своими руками. В младших классах Павлышской школы трудовая деятельность была прежде всего деятельностью эстетической. Ребята работали по дереву (выпиливали, выжигали), рукодельничали, выращивали цветы и ухаживали за деревьями. Как-то сам собой появилась в школьной жизни новая красивая и добрая традиция — Праздники Цветов. Весной — праздник подснежников, ландышей, сирени, растущей в школьном цветнике, и тюльпанов. Собирали небольшие букетики и дарили мамам, дошколятам и одиноким старичкам-односельчанам. Был праздник роз и праздник полевых цветов, дававший простор творческой фантазии, ведь, как говорил Сухомлинский, собрать красивый букет полевых цветов — подлинное искусство. Был и грустный праздник прощания с летом — праздник хризантем. Но не надо думать, — говорил Сухомлинский, что детство его питомцев было сплошным праздником. Каждый праздник — это прежде всего труд. «Я добивался, чтобы дети видели в труде источник духовных радостей. Пусть человек трудится не только для того, чтобы добыть хлеб и одежду, построить жилище, но и для того, чтобы рядом с его домом всегда цвели цветы, дающие радость и ему, и людям, — чтобы уже в годы детства человек трудился для радости» [8].

Радостью для учеников Сухомлинского было видеть результаты своего труда. А они впечатляли всех приезжавших в Павлыш. Вокруг здания старой земской школы силами учителей и ребят были выстроены новые учебные корпуса, лаборатории, мастерские, библиотека, теплицы, оранжерея, кроличья ферма, голубятня, пасака, организованы плодовый сад, виноградник. Была даже своя метеостанция! Целый кампус, как сегодня сказали бы. Город знаний! Вокруг него — выкованный своими руками затейливый заборчик. В мастерских ребята собирали обычные машины и электромобили, электротаблицы умножения для малышей и электронные пособия по иностранному языку. А еще сами изготавливали сеялки, веялки, молотилки. Все это использовалось на пришкольном поле, где ребята выращивали пшеницу и сами пекли из нее хлеб, который подавался на общий стол на традиционном Празднике Урожая. С третьего класса желающих учили водить мотоцикл (специально сконструированный для малышей) и даже трактор! Потому что Сухомлинский справедливо считал, что пылкий интерес ребенка надо удовлетворять.

Трудовая деятельность школьников была излюбленным детищем хрущевской оттепели, поэтому Сухомлинский оказался на гребне славы, но свою «школу труда» он выстрадал задолго до партийных директив. Труд мыслился не только как источник радости от самореализации и ощущения своей полезности людям, но и как средство воспитания и социализации детей.

Самое святое

Для воспитания полноценного человека важна душевная связь со своей семьей, с корнями. «Я добивался того, чтобы сердцу каждого ребенка самым радостным,

самым дорогим, самым святым были мать, отец, братья и сестры, друзья. Чтобы ребенок готов был отдать все для блага и радости дорогих ему людей, чтобы эта отдача, созидание было главной духовной потребностью. Я стремился к тому, чтобы отношения ребенка с друзьями людьми и дома, и в школе строились на долге и ответственности. Осмысление и переживание ребенком своего долга перед матерью, отцом, учителем — именно с этого должно начинаться познание ребенком мира человека» [10].

Сухомлинский был уверен, что моральные ценности и богатства народа бережнее всего сохраняются в семье, что у ребенка должна быть семья. А самое главное в жизни любого человека — это мать. Педагог говорил: «У нас, если хотите, культ женщины. Это одна из основ воспитания». В одном из уголков школьного сада есть Сад матери. По традиции, каждый класс сажает там яблоню. Ежегодно в День Матери дети несут мамам яблоки из этого сада. «Чтоб было святое на душе!» — пояснял Сухомлинский. В школе воспитывалось рыцарское отношение к женщине. Учительниц освобождали от работы на субботниках — их долю брали на себя мужчины.

Входящих в школу встречал большой плакат: «Мать, помни, что ты главный педагог, главный воспитатель. От тебя зависит будущее общества». А рядом призыв: «Берегите наших матерей» — и портреты матерей, родивших выдающихся людей.

Опережавший время

Многое из того, что изумляло современников в школе Сухомлинского, было введено в педагогическую практику только спустя двадцать лет, да и то не везде. Его педагогические открытия и сегодня более чем актуальны.

В Павлышской школе впервые в стране применили принцип обучения старших и младших классов в разных помещениях — малышам, решил Сухомлинский, так комфортнее. И был прав. Но при этом в его школе успешно осуществлялся и другой принцип, который позднее применяли создатели разновозрастных отрядов (В. Крапивин в «Каравелле» и его многочисленные последователи). «По-настоящему воспитывается лишь тот, кто воспитывает другого человека», — повторял Сухомлинский [11, с. 73]. Поэтому в его школе старшие опекали младших, помогали им развивать добрые наклонности и таланты.

Сухомлинский считал, что в школу лучше отдавать ребенка с шести лет. Массовое и безоглядное внедрение этого правила спустя пару десятилетий ни к чему хорошему, как известно, не привело. А у Сухомлинского был индивидуальный подход к каждому «новобранцу», и к школе он бережно и серьезно готовил не только малышей, но и их родителей. Когда ребенку исполнялось четыре года, Сухомлинский приглашал его маму и папу в «Родительский университет». Два раза в месяц в течение двух лет родители посещали лекторий, и, когда их дети становились первоклассниками, адаптация к школе для всех проходила

безболезненно. Психолого-педагогические семинары, рассчитанные на 250 часов, были организованы и для всех желающих жителей Павлыша, от молодоженов до родителей старшеклассников.

«Школа под голубым небом», созданная Сухомлинским, — претеча современных прогимназий. Он сам с удовольствием занимался с малышами, готовя их к первому классу. «Дошкольный сектор павлышской педагогики» был поставлен на серьезную научную основу. В школе был создан научный центр исследования психологии школьника.

Сухомлинский, пожалуй, первым в российской педагогике начал практиковать беседы со старшеклассниками об их будущей семейной жизни. В перестроечные годы это стало называться основами сексуального воспитания и позднее приняло черты полной разнузданности. Но Сухомлинский имел в виду вовсе не ликбез в вопросах деторождения, а эмоциональную, психологическую подготовку подростков к семье. Он развивал в молодых людях чувство ответственности за семью. «На педагога, который посвятил бы воспитательную беседу с восьмиклассниками или девятиклассниками теме “Взаимоотношения мужа и жены в молодой семье”, посмотрели бы как на чудака. А между тем говорить об этом с молодежью значительно важнее, чем о гробницах ассирийских царей или о центре Галактики», — писал он в «Родительской педагогике». Он говорил о культуре чувств, о гигиене чувств, если хотите. Что чувства должны быть чистыми. Ханжеству советской педагогики Сухомлинский готовил свой ответ: «Воспитателям нужно иметь в виду, что ребенок когда-то станет мужем, женой, повторит себя в новом человеке. И я имел это в виду, хотя очень редко говорил детям о том, что они будут отцами и матерями...» [2].

В «Письмах к сыну» увидела рассуждения о целомудренности отношений между юношей и девушкой. Подумалось: ну кто сегодня рискнет такое озвучить без опасности прослыть ханжой или убогим идеалистом? Выложила на всякий случай ВКонтакте. Неожиданно пост вызвал кучу студенческих «лайков» и одобрительных откликов в «личку». Значит, не такая уж у нас испорченная молодежь. А Сухомлинский, выходит, не так уж старомоден, как могло показаться при первом прочтении. «Если встретились юноша и девушка, у которых одинаково развито чувство чести и достоинства, то они очень долго не переходят той черты, за которой начинается физическая близость. Это не значит, что у них нет стремления к этому. Это стремление горячо и страстно, но физическая близость без близости духовной кажется им морально неоправданной. Период духовной близости, идеальной любви у них очень долгий, они намеренно стремятся продлить его, и это дает им большое счастье» [2].

Воспитание без наказания

В Павлышской школе работали по принципу «воспитание без наказания». «Не ловите детей на незнании, — говорил Сухомлинский, — оценка — не наказание,

оценка — радость». Он учил уважать «детское незнание» и сравнивал сознание ребенка с рекой, которая у каждого имеет свою скорость течения. Да, у ребенка может долгое время что-то не получаться, но придет время — и он всему научится, — считал Сухомлинский. Не надо форсировать эту реку. «Я не из пальца высосал ту истину, что наших детей можно воспитывать только добром, только лаской, без наказаний... И если в массовом масштабе, во всех школах сделать это невозможно, то не потому, что воспитание без наказания невозможно, а потому, что многие учителя не умеют воспитывать без наказаний. Если вы хотите, чтобы в нашей стране не было преступников, — воспитывайте детей без наказаний» [8].

Сухомлинский был категорически против физического наказания детей, домостроевские методы считал средством утверждения примитивных инстинктов, растления детской души и утверждения в ней лжи и подхалимства. «Стыд и позор нам, педагогам, — стыд и позор потому, что в школу, в это святое место гуманности, добра и правды, ребенок нередко боится идти, потому что знает: учитель расскажет отцу о его плохом поведении или неудачах в учебе, а отец будет бить. Это не абстрактная схема, а горькая истина; об этом часто пишут в своих письмах матери и даже сами дети. Записывая в дневник школьника: “Ваш сын не хочет учиться, примите меры”, учитель, по сути, часто кладет в ученическую сумку кнут, которым отец стегает своего сына. Представим себе: идет сложная хирургическая операция, над открытой раной склонился мудрый хирург — и вдруг в операционную врывается мясник с топором за поясом, выхватывает топор и сует его в рану. Вот такой грязный топор и есть ремень и тумачи в воспитании. Некоторые педагоги спрашивают: “Чем же заменить наказание?” Так вопрос ставить нельзя. Это все равно что спросить: “Чем заменить насилие человека над человеком?” Наказание не является чем-то неотвратимым. Необходимость в наказании не возникает там, где господствует дух взаимного доверия и теплоты, где ребенок сызмала тонко чувствует рядом с собою человека — с его мыслями и переживаниями, радостями и горем; где с первых шагов своей сознательной жизни ребенок учится управлять своими желаниями. Высокая культура желаний личности — это неременная предпосылка того, чтобы необходимость в наказаниях вообще не возникала» [10].

Школа — это священное место, где должны царить радость и справедливость, школа и страх — понятия несовместимые, — считал Сухомлинский. Грубому, черствому учителю не место в школе. Педагогическое бескультурье — бич многих учителей, а это порождает «школьные болезни», под которыми Сухомлинский понимал взвинченность, манию несправедливых обид и преследований, детскую озлобленность, напускную беззаботность, страх.

В школе Сухомлинского не было родительских собраний в известном всем печальном формате, когда родителей нерадивых учеников прилюдно распекают. Сухомлинский всегда щадил чужое самолюбие, ребячьи неудачи и промахи обсуждал только в индивидуальном порядке. Он никого не исключал из школы, даже самых трудных не

отправлял в спецучреждения. К каждому находил подход. У него учились все, и каждого он умел научить. Даже тех, кого называют «необучаемыми».

Спасение от слабоумия

В педагогической практике Сухомлинского было 107 учеников с диагнозом «умственно отсталый». В другой школе от таких давно бы отказались, переправив в «школу для дурачков». Но не у Сухомлинского. Здесь этих ребят продолжали учить в обычных классах, мягко адаптируя их с помощью специальных методик, разработанных педагогическим коллективом, к нормальной жизни и развивая их небогатый интеллект. Результат потрясающий! Половина из них окончила десятилетку, 25 — техникумы. 13 получили высшее образование! И лишь двое с совсем уж тяжелым диагнозом окончили только (!) 8 классов. Все стали полноценными членами общества! Опыт работы с такими детьми В.А. Сухомлинский обобщил в книге «Спасение от слабоумия», но закончить ее не успел...

Вот письмо Сухомлинскому одного из тех «слабоумных». «Дорогой учитель, я прошел по конкурсу — он был, правда, небольшим — три человека на место, но все же я попал в число 30 из 100 и стал студентом политехнического. Я знаю — это не только моя победа, но прежде всего — Ваша...» Вот так. А сегодня сплошь и рядом из нормальных детей делают слабоумных, с первого класса, да что там — с пеленок сажая за компьютер и давая в руки планшет, приобщая к «дистанционному обучению», к этим интерактивным доскам, презентациям и прочим инновационным «радостям».

«Возраст риска»

Книги Сухомлинского с их яркой образностью, обилием историй из богатой практики автора, доходчивостью положений — это отличное практическое руководство для учителей и родителей. Вот, например, книга «Рождение гражданина», незаменимая для тех, кто воспитывает подростков. Значительная ее часть об этом «возрасте риска», самом таинственном, как утверждает Сухомлинский, человеческом возрасте, когда в душе происходят глубочайшие тектонические изменения. Основой книги стали наблюдения Сухомлинского за своими питомцами. О каждом (!) он вел дневник! «С годами в моей библиотеке накопились десятки тетрадей и блокнотов; каждый из них был своеобразной летописью жизни маленького гражданина, его судьбы, — от первых дней пребывания в школе до зрелости, часто до того волнующего дня, когда тот, кто был озорником, сорвиголовкой, приводит в школу сына или дочку и говорит: “Принимайте, это я в иной форме... А содержание, наверное, то же самое”» [10].

Педагогика Сухомлинского рождалась на пересечении психологии, социологии, даже криминалистики! Чтобы понять трудности поведения подростков, он исследовал статистику правонарушений, социальный состав семей малолетних преступников, стремился узнать детали

их семейного и школьного быта. «Я анализировал, были ли в школе, где учились трудные подростки (вернее, люди с духовно убогим детством и отрочеством), такие взаимоотношения, сутью и содержанием которых является отдача духовных сил, творение счастья одним человеком для другого, тревога одного человека за судьбу другого, постижение умом и особенно сердцем наивысшей человеческой радости — радости того, что я даю счастье другому человеку. И вот тут-то выявилось, что ни в семье, ни в школе не было этого, наиглавнейшего. Не было именно этого четкого замысла, ясной идеи и цели воспитательной работы, не было того, чтобы уже в детстве каждый человек вкладывал свои силы в другого человека, отдавал богатства своего сердца другому, познавал умом и сердцем (а потому и глубоко переживал, принимал близко к сердцу) тончайшие движения души другого человека — горе, радость, тревогу, отчаяние, печаль, смятение...» [10].

У Сухомлинского есть отличный образ: подросток — это цветок, и то, каким вырастет этот цветок — розой или чертополохом, зависит от садовника — родителей и воспитателей. Заботиться об этом надо задолго до того, как цветок начнет цвести. Это означало, по Сухомлинскому, развивать душу ребенка от момента рождения до 10—11 лет, когда определяется «моральное лицо подростка». «Растерянность, удивление перед “фатальными”, “неотвратимыми” явлениями отрочества похожи на растерянность и удивление садовника, который опустил в землю семя, не зная твердо, какое это семя — розы или чертополоха, а потом через несколько лет пришел любоваться цветком. Смешным казалось бы его удивление, если вместо розы оказался чертополох... Почему же не вызывает возмущения то, что тысячи подобных садовников, дав жизнь человеку, считают миссию свою завершенной, а что из него, человека, выйдет — пусть об этом позаботится кто-то другой, пусть позаботится природа? Красота цветка не может упасть с неба. Ее нужно создавать годами — растить, оберегать и от жары, и от мороза, заботливо поливать и удобрять землю. В создании самого красивого и самого высокого, что есть на земле, Человека, несравненно больше однообразного, утомительного, часто неприятного труда, чем труда, который давал бы только удовлетворение» [10].

Размышляя над причинами жестокости и равнодушия подростков, он приходит к выводу, который, казалось бы, очевиден, но к которому многие приходят ценой горьких, порой непоправимых ошибок. Низшие потребности: поесть, выспаться, в современной действительности — купить новый гаджет и погрузиться в суррогатный виртуальный мир — приводят к полнейшей душевной (у Сухомлинского — духовной) пустоте. Равнодушным, жестоким становится тот, кому не привили в детстве «радость творения добра», жажду общения с людьми.

Для полноценного душевного развития, — говорил Сухомлинский, — надо «вкладывать свои силы в другого человека, отдавать богатства своего сердца другому», делиться всем, что имеешь хорошего, с людьми. Вчувствоваться в другого человека, уметь разделять его ра-

дость, тревогу, печаль и боль. Всему этому, — сетовал Сухомлинский, — школа не очень-то учит. Это он писал 50 лет назад! За полвека школа не стала человечнее, напротив... Самое время вспомнить заветы Сухомлинского о необходимости «творения добра» для другого человека.

Главная профессия

Профессию учителя Сухомлинский считал едва ли не самой главной на земле, называя человековедением. Это отношение прививалось всем ученикам. Недаром за 50 лет более пятисот выпускников Павлышской школы стали учителями. В книге «100 советов учителю» Сухомлинский пишет о том, что настоящий учитель — это тот, кто на уроке при самой интенсивной работе успевает озвучить лишь сотую долю того, что знает. Учитель должен быть фундаментально образован. Его интеллектуальное богатство — доказательство того, что он действительно любит свой предмет, свою науку, любит школу и своих учеников. Светлый гуманизм Сухомлинского, его вера в человека окрыляют тех, кто решил посвятить себя воспитанию детей.

Сухомлинский понимал, что учителю для профессионального роста, самообразования нужно свободное время, нужен определенный психологический (и материальный) комфорт. И потому в его школе педагоги жили в «режиме максимального благоприствования». Сухомлинский первые три года не ругал молодого учителя, а всячески его поддерживал (за что на него часто сердились учителя-«старики»). Ходил не на один урок, а на 12—15, потому что понимал, что по одному уроку не получишь истинного представления о педагоге.

В учительской царил почти домашняя обстановка, здесь не принято было обсуждать болезни и семейные неурядицы. Сухомлинский никогда не распекал учителя публично на педсовете, а предпочитал решать проблемы в частном порядке, не травмируя психику человека. Романтически-возвышенный и в то же время рабочий настрой самого Сухомлинского определял внутреннюю атмосферу в школе. Вот, например, какие вопросы обсуждались на одном из педагогических семинаров: «Как учить, чтобы дети верили учителю?», «Уметь требовать и уметь прощать, уметь видеть и не все замечать», «Учитель — совесть народа». Неплохо бы сегодняшним директорам и завучам почаще говорить с коллективом на эти темы. Которые в новом веке по-прежнему актуальны.

Слово и дело

Педагогические принципы Сухомлинского постоянно проявлялись в деле. С первоклассниками они выкопали куст цветущей розы и ночью тайком посадили у хаты старой женщины, у которой четыре сына погибли на фронте. Когда накачали первый свой гречишный мед, то первую чашку меда дети понесли старейшему колхознику, столетнему дедушке. Потом угостили инвалидов-фронтовиков — отцов двух мальчишек из своей дружной команды.

«С чашечками, наполненными медом, мы ходили от хаты к хате, и чем больше мы отдавали, тем богаче становились души детей» [1, с. 83]. И сколько еще таких трогательных, светлых проявлений гуманной педагогики Сухомлинского мы найдем в его книгах, в воспоминаниях тех, кому посчастливилось быть этому свидетелем...

Коммунистические идеи, христианские идеи...

Сухомлинский часто говорил о необходимости привить детской душе «коммунистический идеал». Не надо испуганно вздрагивать при слове «коммунистический», ведь в понимании Сухомлинского с этим словом было связано все самое чистое, высокое и благородное. Коммунистический идеал, по Сухомлинскому, это высшая человеческая красота — красота труда на благо общества, народа, Отечества. «Идея — это боль сердца за правду, истину, красоту» [11, с. 75]. Много лет нам навязывали другое понимание человеческого счастья: в потреблении, в жизни для себя. Но ведь прав-то Сухомлинский, несмотря на идеологические пассажи!

Да, вся педагогическая система Сухомлинского была основана на коммунистических идеалах. Но по сути это — христианские принципы. Сердцевина этой системы — любовь к ребенку, признание его личности самоценной и априори нуждающейся в серьезном отношении. Этот главный принцип своей практической педагогики Сухомлинский заимствовал у великого польского педагога Януша Корчака, идеи которого считал для себя основополагающими. Как и у Корчака в «Нашем доме» и «Доме сирот», Сухомлинский создал сплоченный коллектив из педагогов-единомышленников и учеников, живущий по принципам братства и взаимоуважения.

Как перекликаются эти мысли Сухомлинского с идеями Яна Корчака! «Наиболее серьезный недостаток, который допускается в воспитании молодого поколения, это, по моему глубокому убеждению, забвение того, что сегодняшний ребенок завтра станет взрослым человеком. У многих родителей, да и у педагогов такой подход к детям, как будто они вечно останутся детьми. Потом хватаются за голову: не заметили, как ребенок стал подростком, подросток — юношей, а юноша ошеломляет отца и мать своим неожиданным намерением жениться... Видеть в маленьком ребенке завтрашнего взрослого человека — вот в этом, мне кажется, и заключается жизненная мудрость отца, матери, педагога — всех, кто воспитывает детей. Другими словами — надо уметь любить детей» [8].

Коммунистическое воспитание, о котором писал Сухомлинский, на самом деле было воспитанием подлинно христианским — гуманным и требовательным одновременно, воспитанием, где главной ценностью объявлялся созидательный труд, ответственность и любовь к людям и природе. Как и Корчак, Сухомлинский считал, что главное в воспитании — диалог взрослого и ребенка как средство «духовного общения, обмена духовными ценностями», умение слушать друг друга и уважать чужую точку зрения.

Одна из книг Сухомлинского называлась «Этюды о коммунистическом воспитании». Название в последние десятилетия более чем непопулярное. А ведь, как справедливо заметил исследователь наследия В.А. Сухомлинского и племянник другого замечательного педагога, Семена Рувимовича Богуславского, Михаил Богуславский, «в его философии образования коммунизм все более отождествлялся не с классово-борьбой и принципом партийности, а скорее с такими общечеловеческими ценностями, как счастье, радость и любовь для каждого человека» [12]. Об этом говорила и дочь Сухомлинского, Ольга Васильевна: «Несмотря на внешнюю, каркасную сторону его педагогической теории, выстроенной на правоте и “святости” марксистской доктрины, ее внутреннюю сущность, ее содержание В.А. Сухомлинский развивал вне положений марксизма. Он выдвинул педагогические понятия, категории, подходы, которые представляют собой новое слово в воспитании человека в нашей стране. Отвергая казарменное воспитание, Василий Александрович развивал идеи, не характерные для советской педагогики, и, в том числе, идеи свободы выбора, свободы воли, самоценности и неповторимости каждой отдельной личности» [13].

М. Богуславский отмечает: «Наряду с прежней установкой на интернациональное воспитание в работах Василия Александровича все более мощно начинает звучать национальная украинская педагогика, рассматриваются народные ценности. На смену прежнему атеизму приходит уважение к фольклорной основе воспитания, различным мифам, поверьям, легендам. Вместо доминирующей установки на формирование всесторонней личности выдвигается идея иерархичности воспитания ребенка (телесное, душевное, духовное). Ведущей, так же как в христианской педагогике, у Сухомлинского теперь выступает духовность». Если в 50-х — начале 60-х педагогическая система Сухомлинского базировалась, как отмечает М. Богуславский, на трех основных понятиях: Советское государство — Труд — Коммунизм, то в последние годы жизни это Родина — Любовь — Семья.

Вразрез с линией партии

Огромное значение в воспитании человека играет коллектив. Воспитание дружбой — великое дело, — считал Сухомлинский. «Уметь уважать человеческое в каждом, кто живет и трудится рядом с тобой, — это, пожалуй, самое большое человеческое мастерство. Тонкость чувств воспитывается только в коллективе, только благодаря постоянному духовному общению с людьми, окружающими тебя. На чем же оттачивать, “шлифовать” чувства, как не на задушевной дружбе, богатой интеллектуальными, эстетическими интересами? Воспитывай свои чувства в дружбе. Дружба поможет тебе выработать тонкую чувствительность к человеческому в каждом, кто тебя окружает».

Со временем Сухомлинский все большее значение придавал развитию индивидуальности ребенка. Коллектив по-прежнему оставался в его педагогической

системе важным фактором социализации человека. Но посмотрите, как меняются названия его книг в течение одного десятилетия, отражая напряженные раздумья автора.

«Воспитание коллективизма у школьников» (1956), «Педагогический коллектив средней школы» (1958), «Верьте в человека» (1980), «Духовный мир школьника» (1961), «Нравственный идеал молодого поколения» (1963), «Воспитание личности в советской школе» (1965). Уже по одним этим названиям видно, какую эволюцию прошел этот удивительный учитель, философ и практик.

В 60-е годы Сухомлинский все чаще говорит о том, что ребенка надо воспитывать как самостоятельно мыслящую личность, а не как равнодушного робота, который беспрекословно подчиняется воле коллектива. Он все более важное значение придавал этическим категориям свободы, совести, чести, достоинства. Конечно, эти взгляды знаменитого педагога, противоречащие основам авторитарной педагогики, не могли не встревожить бдительных «товарищей сверху».

Да, крамольность взглядов Сухомлинского заключалась в том, что он первым публично заговорил о том, что коллектив не всегда важнее личности — это в те-то времена, когда «общественное» было выше «личного»! Он даже разочаровался в некоторых идеях Макаренко и не побоялся это озвучить, прекрасно понимая, чем может кончиться попытка идти против государственного течения. Во вступлении к неопубликованной книге «Наша добрая семья» (1967) Сухомлинский писал: «Серьезный недостаток советской педагогики — забвение того, что воспитательная работа коллектива не может полностью раскрыться без всестороннего развития личности. Этот недостаток имеет своим истоком ошибочное теоретическое положение А.С. Макаренко о том, что целью воспитания в советской школе является коллектив. Такое утверждение прекрасно согласовывалось с господствующим в то время известным положением о том, что человек — это винтик. А раз винтик — разве может быть он целью. Догматичное не критическое отношение к этому теоретическому положению А.С. Макаренко, как и вообще ко всей его педагогической системе, привело к тому, что за коллективом перестали видеть человека: умение руководить и подчиняться стало рассматриваться, и сейчас рассматривается, как самоцель» [14]. Эти и другие мысли, показавшиеся «наверху» крамольными, были обобщены в «Этюдах о коммунистическом воспитании», опубликованных в 1967 году в журнале «Народное образование». Тут же последовала публичная экзекуция. В мае того же года в «Учительской газете» вышла разгромная статья Бориса Лихачева «Нужна борьба, а не проповедь». Инициированная партийными идеологами, эта статья послужила сигналом к травле педагога, чье имя уже тогда было легендарным, а стало — неуютным. В «Учительскую газету» приходили горы писем в защиту Сухомлинского. Но редакция, повинувшись административному нажиму, печатала только ругательные письма.

Многие — от поклонников Макаренко, возмущавшихся, что Сухомлинский посмел выразить несогласие с некоторыми положениями его педагогической системы. Дело было не только в слишком смелых по тем временам идеях Сухомлинского, а в общей тревожной атмосфере заканчивающейся «оттепели» и «закручивания гаек». Сухомлинского обвиняли в «абстрактном гуманизме». Отвечая на эти обвинения, в «Письмах к сыну» Сухомлинский с горечью восклицал: «Итак, сын, меня обвинили в том, что я ввел туманное понятие, именуемое человечностью. Это обвинение изумило меня. Выходит, человечность — нечто чуждое коммунистическому идеалу и коммунистическому воспитанию. Меня обвинили также в абстрактном гуманизме! Что это такое? Я объясню тебе это вот так: это, когда речь идет о любви к человеку вообще. Не говорится, о каком человеке идет речь, в каких условиях он живет. Это несправедливое обвинение. Я не заслуживаю его, сын. Я не могу согласиться с тем, что ребенка надо любить с какой-то оглядкой, что в человечности, в чуткости, ласковости, сердечности заключается какая-то опасность. Для меня это кажется какой-то нелепостью... Я убежден, что только человечностью, лаской, добротой можно воспитать настоящего человека... Я считаю одним из важнейших принципов воспитания — взаимное доверие педагога и ребенка. Воспитание человечности, гуманности, оттачивание всех граней этого драгоценного камня, без этого нельзя представить ни школу, ни педагога» [15, с. 3].

Завещание

Уберите эпитеты «коммунистический» и «социалистический» — и слова Сухомлинского станут руководством к действию нам, сегодняшним педагогам и родителям. «Человек, которого мы воспитываем и которому быть гражданином коммунистического общества, беречь и хранить наше Отечество, умножать наши материальные и духовные ценности, — этот человек должен быть великим, духовно богатым и красивым во всех сферах жизни, во всех многогранных и неисчерпаемых отношениях. Ему надо быть готовым свершить подвиг не только на поле боя, но и у станка, или за рулем трактора, или на животноводческой ферме. Он должен быть готовым и к тому, чтобы годами ухаживать за больным, прикованным к постели, чтобы, услышав в темную ночь стон одинокого старого человека, прийти к нему на помощь без чьего бы то ни было зова — просто по велению своего сердца. Он должен быть любящим, искренним, чутким, заботливым сыном своей родной матери — без этого он не имеет морального права называться человеком, сыном своей Социалистической Родины. Он должен уметь читать человеческую душу, уметь увидеть, понять, почувствовать разумом и сердцем горе, печаль, волнения своего соотечественника, прийти ему на помощь. Это высшая человеческая грамота, выраженная величественными словами нашего принципа: человек человеку — друг, товарищ и брат». Мы давно не слышали этих слов. Правда?

Список литературы

1. Сухомлинский В.А. Семья Несгибаемых // Юность. — 1969. — № 7.
2. Сухомлинский В.А. Письма к сыну [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.litmir.net/br/?b=84571>
3. Лапшина С. Встречи. К 100-летию Б.С. Рябинина Советский педагог Василий Александрович Сухомлинский и писатель Б.С. Рябинин [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://urbibl.ru/Knigi/rybinin/vstrechi-3.html>
4. Сухомлинский В.А. «Без сказки нельзя представить детства» // Комсомольская правда. — 1976. — 3 окт.
5. Сухомлинский В.А. О воспитании. — М., 1975.
6. Сухомлинский В.А. Нет плохих учеников! // Неделя. — 1978. — № 39.
7. Сухомлинский В.А. Как любить детей //Избранные произведения: в 5 т. — Киев, 1980. — Т. 5.
8. Сухомлинский В.А. Сердце отдаю детям [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://lib.ru/KIDS/SUHOMLINSKIJ/serdce.txt>
9. Сухомлинский В.А. Воспитание личности в советской школе. — Киев: Радянська школа, 1965.
10. Сухомлинский В.А. Рождение гражданина. — М.: Молодая гвардия, 1971.
11. Сухомлинский В.А. Моя педагогическая вера // Юность. — 1968. — № 9.
12. Ольга Сухомлинская: Школа сейчас не занимает весомое место в жизни ребенка // Интервью [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://gumannaia-pedagogika.ru/offers/2011-09-18-11-37-19/54-2011-09-18-11-35-34/599-suhomlinskiy>
13. Ольга Сухомлинская: Школа сейчас не занимает весомое место в жизни ребенка // Интервью [Электронный ресурс]. — Режим доступа: <http://www.nagolos.com.ua/ru/interview/6751-olga-suhomlinska-shkola-zaraz-ne-posidaevelikogo-mistsya-u-geitti-ditini>
14. Сухомлинский В.А. Наша добрая семья // ЦГА Украины. Ф. 5097. Оп.1. д.205.
15. Сухомлинский В.А. Письмо к сыну // Свободное воспитание. ВЛАДИ. — 1993. — № 3.

УДК 088:130.2
ББК 87.0+71.05

И.В. ПОЛЬСКИЙ

«ПОДЛИННАЯ ЦИВИЛИЗАЦИЯ» МАХАТМЫ. МОХАНДАС КАРАМЧАНД ГАНДИ КАК РАДИКАЛЬНЫЙ КРИТИК ЦИВИЛИЗАЦИИ

Рассматривается критика цивилизации М.К. Ганди, выделяются основные характерные черты его философии. Автор делает вывод о связи идей Ганди с философией Генри Торо и Льва Толстого (и, через последнего, с философией Руссо) и о некотором структурном сходстве его представлений о цивилизации с представлениями киников и даосов, а также радикальных критиков цивилизации второй половины XX века. Речь идет не о преемственности, но только об универсальности этих основных черт, воспроизводимых в самых разных культурных контекстах. Кратко рассмотрена биография Мохандаса Ганди с точки зрения его отношения к цивилизации, проанализирована с этой же точки зрения его программная работа «Хинд сварадж»; соотнесена философия Махатмы с рядом универсальных общих черт, выделенных в ходе кросс-культурного исследования.

Ключевые слова: традиционализм, примитивизм, антицивилизационизм, радикальная критика цивилизации, сварадж, Махатма Ганди, Индия, ненасилие.

Мохандас Карамчанд Ганди известен, в первую очередь, как борец за права людей (индусов, мусульман, неприкасаемых) и индийский политический лидер. Его антицивилизационные идеи менее известны и популярны, однако они неразрывно связаны со всеми его философскими, религиозными и политическими исканиями. Ганди прямо продолжает линию радикальной критики цивилизации Льва Николаевича Толстого, философия которого, в свою очередь, наследует очень многое у Жан-Жака Руссо [1]. Таким образом, подробное изучение взглядов Махатмы на цивилизацию является важным этапом в нашем более широком кросс-культурном исследовании радикальной критики цивилизации. Основная гипотеза автора настоящей статьи состоит в том, что идеи

радикальной критики цивилизации в разные времена и в разных культурах, опираясь на ключевую оппозицию «естественное-искусственное», имеют в своей основе общие ключевые черты. Поэтому основные положения мыслителей, критикующих цивилизацию, обнаруживают структурное сходство несмотря на наличие значительной культурной дистанции между ними.

Основы религиозной и политической философии Мохандаса Ганди сформировались в период его пребывания в Южной Африке (с 1914 по 1919 год), где Ганди, будучи молодым адвокатом, основывает общину в сельской местности и все более упрощает свою жизнь, а также начинает движение сатьяграхи (стойкости в истине) за права южноафриканских индийцев, принесшее ему известность